

И.М. Долгорукий

**Журнал путешествия из Москвы в Нижний
1813 года**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.М. Долгорукий**
Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года / И.М. Долгорукий – М.: Книга по Требованию, 2014. – 126 с.

ISBN 978-5-4241-5212-2

Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года.

ISBN 978-5-4241-5212-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

при рекрутской отдачѣ. Благословлялъ меня безпрестанно. Душа моя уступила первымъ движеніямъ своимъ, и я заплакалъ. По дошло дѣло да фуража. «По чемъ овесъ, сѣно?»—«Батюшка! Лишняго не возму!»—«Хорошо! Однако, что стоятъ?» Цѣна объявлена дороже многихъ другихъ хозяевъ въ той же деревнѣ. «Какъ же, другъ мой, тебѣ не стыдно, хваля меня, такъ много брать дороже пречихъ?»—«Воля твоя, Баринъ, меньше нельзя!»—«Хорошо! Такъ не прогибайся: я переберусь туда, гдѣ дешевле;» и перенесли мой обѣдъ къ другому крестьянину. Я охотникъ до гречневой каши: Поваръ мой ее тутъ и приготовилъ, но мужикъ, разсердясь, что не у него взяли овесъ и сѣно, не далъ и каши, а на новомъ дворѣ уже ее готовить было нѣкогда, и такъ я лучшаго своего кушанья лишился. Ахъ! какъ жаль мнѣ было моей чувствительности и слезъ! Вотъ что дѣлаетъ корысть! Надежда взять съ меня рублей 20 за фуражъ сдѣлала меня благодѣтелемъ, отцомъ; повернулся вѣтеръ не туда, и мужикъ мнѣ отказалъ въ горникѣ каши: и послѣ этого (а подобныхъ случаевъ много) можно ли полагать признательное сердце въ трупѣ нашего крестьянина? Все мзда!

Въ Юрьевѣ пріѣхали мы поздно, а я по ночамъ ѣздить не люблю; и такъ вошелъ бѣшенъ, какъ медвѣдь послѣ привязи, къ моему родственнику, Безобразову, Городничему того мѣста. Тутъ горячій чай, варенье въ сахарѣ и разныя лакомства, при дружеской бесѣдѣ, разгладили морщины разъяренного моего чела, и мы за ужиномъ еще долго хохотали надъ кашей и Фролицевскимъ крестьяниномъ.

Ю р ъ е в ъ.

О Юрьевѣ говорить много нечего. Городъ старинной, Долгорукимъ Царемъ строенной, * но некрасивой, посреди равнинъ и безъ воды; ибо рѣка Колокша, въ немъ текущая, вниманія не заслуживаетъ. Здѣсь, во время моего начальства, построены соляныя амбары и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной; въ немъ я нѣкогда говорилъ рѣчь служащимъ Дворянамъ, и всѣ съ нея списывали копіи. Нынѣ, можетъ быть, и гроша за нее не дадутъ,

* Великій Князь Юріемъ или Георгіемъ Владимировичемъ Долгорукимъ около 1152 года. О. Б.

коть она та же, но я не тотъ же. Тогда я былъ Губернаторомъ, сегодня гость, или лучше сказать, изгнанникъ!

8-го числа, отобѣдавши у Городничаго, пріѣхали мы ночевать къ помѣщику Лялину. Большое звоно бѣлужицы и бокаль Шампанскаго показали мнѣ, что я и самъ по себѣ для него пріятной гость. Проводя вечеръ по деревенски и напившись всѣхъ плодовъ того времени, мы спокойно провели ночь, безъ мухъ и комаровъ, и на другой день тутъ же отобѣдали. Торватой хозяинъ ни чего не жалѣлъ для угощенія нашего; онъ былъ въ отставкѣ, я также; слѣдовательно, поклоны клеветниковъ не отнимали у насъ удовольствіе; а за тѣмъ, простясь съ добрыми хозяевами, 9-го числа пріѣхали не рано въ Суздаль. Дорога тутъ гориста и въ клеяхъ часто съ боку на бокъ насъ кидало въ коляскѣ. Въ Суздаль, у добраго и стараго Городничаго, Ермолина, остановясь въ домѣ, расположились тутъ также два раза поѣсть, отужинать и отобѣдать, и, въ небольшой бесѣдѣ пріятелей проведя вечеръ, легли спать.

Суздаль.

Городъ старинной, огромной, но не хорошъ. Выстроены неправильно. Церквей множество, монастырей также. Чиновники скупы, купечество не чиво. Какого же тутъ ожидать гостепримства? Мы не выходили изъ дома Городничаго: онъ насъ кормилъ, поилъ и потчивалъ: доброй хлѣбосоля! старинной кирасиръ! Живеть по пословицѣ: «Что ни есть въ печи, все на столъ мечи!»

Тутъ вспомнилъ я свои труды гражданскіе; гостиной дворъ съ колоннадою, при мнѣ начатой, уже достроенъ, и въ немъ, черезъ пять лавокъ пустыхъ, въ шестой торгуютъ вздоромъ. Вездѣ свое чванство. Суздальцы захотѣли вытянуть большой гостиной дворъ, застроили подъ нимъ цѣлой кварталъ, и, ходя взадъ и впередъ, на него любятъ. Здѣсь славной Евѣимьевъ монастырь, о которомъ кто не слышался? Ужасная темница! Россійская Бастиль!

Я въ Суздаль сутки пробылъ безъ скуки; старой мой пріятель, здѣшній ученой Священникъ и проповѣдникъ, Дмитрій, посѣтилъ меня. Мы вмѣстѣ съ нимъ читали и прозу и стихи, разсуждали о томъ и о другомъ, не спорили, какъ бѣшеные богословы, о текстахъ Священнаго Писанія, но дружески о временахъ настоящихъ, о нравахъ и плодахъ всеобщаго разврата, и, согласясь

въ томъ, что люди никогда не достигнутъ моральнаго совершенства, разстались. Архимандритъ Мельхиседекъ, сохраняя, какъ умной человѣкъ, приличности, посѣтилъ меня и у хозяина отобѣдалъ. Никого больше не видалъ въ городѣ. 10-го числа, послѣ обѣда, поѣхалъ въ деревню, къ свояченицѣ моей, Владыкиной. По большой дорогѣ до села ея 50 верстъ отъ Суздаля; упряжка отяготительная, лошади съ трудомъ довели меня за 35 верстъ отъ Суздаля; оставалось еще поймами и песками 15 верстъ до мѣста; дождь нѣсколько смочилъ дорогу, но уже вечеръ приближался и солнце закатилось прежде, нежели мы за Клязму переправились. Мы взяли почтовыхъ подъ всѣ экипажи съ Введенскаго села, оставя тутъ своихъ лошадей, съ тѣмъ, чтобъ они, выкормя, дошли до насъ въ Русино, Владыкина деревню; со всѣми этими предосторожностями мы въ сумерки стали на паромъ, и пока перевозили коляску, погорячились и пошли пѣшкомъ, надеясь, что скоро она насъ догонитъ: какая печальная ошибка! Мы прошли верстъ 5, а еще повозки насъ не догоняли. Мужчина, во всей пѣшей нашей братіи, одинъ былъ я, жена, барышня и дѣвка: вотъ вся наша компанія! Ночь, да и не мѣсячная, настигла насъ въ поймахъ. Въ окрестностяхъ вездѣ толпы косцовъ, и разложенные около ихъ огни освѣщали нѣсколько путь намъ, но, при взглядѣ на рѣку издали, самыя ихъ артели наводили какой-то ужасъ. Неувеселительно было наше положеніе: на часахъ моихъ было уже 12 часовъ ночи, а еще ни кто къ намъ не поспѣвалъ; шли, шли и дошли до проточины, наполненной воды, черезъ которую ни какъ перескочить было нельзя. Тутъ взяло насъ отчаяніе, я не зналъ на что рѣшиться: не понималъ, куда дѣвались наши люди и колымаги, и едва не рѣшился я и дѣвка перенести на себѣ жену и свиту ея, хотя по колѣно маршируя водою, какъ вдругъ услышали отдаленной гуль. Барышня стала кричать ау, и наконецъ ѣдущая другимъ путемъ наша коляска, свернула къ намъ, и мы кипнулись въ нее, какъ въ Ноевъ ковчегъ, переѣхали широкую лужу, отъ которой еще версты три оставалось до села. 2 часа было за полночь, какъ мы очутились въ Русинѣ. Хозяева спали уже давно. Мы весь домъ перебудили, всѣхъ перетревожили, и пока наши дамы ожидали ужина, я на скору руку напился чаю, кипнулъ на кровать, обогрѣлся и уснулъ какъ убитой. Сонъ—блаженство, когда устанешь. Въ путешествіи

все зависить отъ случая. Можно подъ селеніемъ быть въ бѣдѣ, и довольну въ степи необитаемой. Я не столько трепеталъ ѣздивши въ Одессу, въ степяхъ отдаленныхъ, на берегахъ Чернаго моря и свирѣпаго Буга, какъ здѣсь, у этой проточины, почти близъ селенія родни моей, гдѣ ожидало меня одно удовольствіе и тишина.

К о в р о в ъ .

11-е число, день печальной, въ нашемъ домѣ, по тому что онъ напоминалъ жецѣ рожденіе единственной для сердца ея дочери, Алены; мы провели его коекакъ въ деревнѣ у Владыкиной, и для разсѣянія мыслей, по тому что оно весьма было намъ нужно, ѣздивъ я взглянуть на работы новаго стекляннаго завода въ сосѣдствѣ, которой мнѣ былъ извѣстенъ и прежде. Хозяина не застали дома. Гуты только что начали раскуриваться. Стекло готовили, а не обрабатывали. Хозяйка, лишившаяся ума, встрѣтила насъ, потчивала чаемъ и яблоками, но мы бросились отъ нея бѣжать, и воротились домой.

12-го выѣхали рано и, по приглашенію Ковровскаго купца, Шиганова, остановились у него въ домѣ городскомъ обѣдать и кормить лошадей. Чиновники почти всѣ сошлись меня видѣть. Я сею учтивостію долженъ былъ остаться довольнымъ, хотя у каждаго изъ нихъ не то было на языкѣ, что на умѣ. Ковровъ—городъ Уѣздной, на горѣ; подошву ея мовтъ Клязьма; мѣстоположеніе прекрасное, разбитъ довольно правильно, но строеніе вообще весьма бѣдное. При мнѣ построился тутъ длинной гостипой рядъ каменной; о святкахъ бываетъ въ немъ ярмонка; также и каменной корпусъ для Присутственныхъ Мѣстъ, при мнѣ выстроенъ, и я вспомнилъ, что при открытіи его говорилъ рѣчь изрядную, по которую лестъ тогда называла даже прекраснѣйшей. Обычай говорить рѣчи разнымъ сословіямъ, при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, весьма новъ въ Россіи, да кажется и, не войдя во вкусъ, совсѣмъ началъ пропадать. Послѣ обѣда, сопровождаемъ будучи судьями городскими, кои захотѣли вѣжливость свою ко мнѣ распространить до самыхъ крайнихъ ея границъ, перешли мы чрезъ Клязьму по живому мосту пѣшкомъ, и отѣхавши 25 верстъ, почевать остановились въ Воскресенскомъ, село разныхъ помѣщиковъ. Тутъ двѣ церкви, каждая на горѣ, одна вет-

хая, другая еще не достроена; пустили насъ въ маленькой господской Флигель, которой, по тѣснотѣ его, назвать можно приличнѣе капурю, и тутъ мы почти человекъ на человекъ легли спать: лѣтомъ вездѣ всячески уляжешься. 13-го воскресный день, обѣдни отпѣли рано, а мы встали поздно, и такъ помолвились на ложахъ нашихъ. Миѣ случилось видѣть младенческія похороны, на кладбищѣ, противъ самаго ночлега: Попъ въ изорванной ризѣ подошелъ къ ямѣ, спустилъ туда гробокъ, пѣлъ съ полчаса, засыпалъ мертвеца землею, сравнялъ могилу, лизнулъ меду изъ стакана и, схватя въ зубы пирога, побѣжалъ съ пустымъ кадиломъ, въ которомъ не было ни ладону, ни жару, въ свою Іерейскую свѣтелку. Я любопытнымъ окомъ на все это зрѣлище смотрѣлъ и думалъ: На что для младенцевъ, для чистѣйшаго, такъ сказать, духа, такіе нескладные обряды? * Но Священнику за это дали съ копѣйкой восемь, и я увидѣлъ, что много не пужнаго для неба необходимо для живущихъ подъ пнямъ. Послѣ похороны пришли старушонки вопить надъ своими родственниками: кто тужить объ мужѣ, кто объ женѣ, кто о братѣ, о дѣтищѣ, о бабушкѣ. У всякаго своя печаль! Ни одной слезки я не видалъ, а кривку наслушался: это называется по деревенски вопить; кто этого не соблюдеть, тотъ, по миѣнію поселянъ, недругъ своимъ роднымъ. Страшной обычай: реви, а плакать не хочется.

Обѣдать мы пріѣхали къ Култашеву, Шуйскому помѣщику, которой любилъ меня, какъ я былъ Губернаторъ, и, кажется, любить еще и нынѣ. Намъ хотѣлось обѣдать въ Шуѣ, но онъ насъ остановилъ на перепутьи, и мы тутъ поѣли вдоволь, и сладко напился чаю, кофе и вина. Хорошій хозяинъ! Угостилъ насъ со всею привѣтливостію старыхъ временъ. Мы у него досидѣли до вечеренъ и поѣхали въ Шую. Еще у него встрѣтитъ насъ выѣхали Шуйскій Городничій Шульгинъ и, молодой человекъ изъ купечества, Теряевъ. Мы всѣ выѣстъ сѣли въ коляску нашу и, распростаясь съ добрымъ Г. Култашевымъ, пріѣхали въ Шую,

* Сужденіе по всѣхъ отношеніяхъ неосновательное. Если бы сочинитель былъ хорошо знакомъ съ цѣлою обрядной части Богослуженія, и меньше обращалъ вниманіе на исполнителя ея, котораго недостатки, какъ человека, неуничтожаютъ достоинства совершаемаго имъ, конечно, иначе посудилъ бы и выразился объ этомъ. О. Б.

гдѣ остановились почевать въ томъ же домѣ Г. Городничаго, въ которомъ, во время нашествія врага въ Москву, укрывались отъ злобы его и мечей. Съ какою сердечною откровенностію бросился я на шею добрымъ хозяевамъ, которые одни, одни только, приняли насъ въ домъ свой, бѣгущихъ изъ Москвы, обогрѣли, накормили и дали крышку на все зимнее время! Они дѣйствительно выполнили противъ насъ священную притчу, научившую насъ распознавать, кто есть ближній нашъ; у нихъ я зрѣлъ черты прямого состраданья:

Безъ платы, безъ даровъ, и даже безъ услугъ,
Въ лукавы наши дни, какой названой другъ
Подобное творять, не чая воздаянья?

Ш у я.

Городъ Уѣздной, но прекрасной, на ровномъ мѣстѣ, разбитъ правильно, имѣетъ хорошія площади, окрестности его представляютъ пріятные виды. Рѣка Теза почестья можетъ въ числѣ лучшихъ рѣкъ Владимірской Губерніи: она течетъ подъ самымъ городомъ купечество промышленное и сытое, церкви богатая, хотя Раскольниковъ довольно; при мѣ еще граждане застроили огромной вышины колокольню, которая имъ станетъ тысячь въ 200, но купцы любочестивы и ни чего не щадятъ, дабы капиталы свои прославить. Въ Соборѣ Царскія двери всѣ серебряныя, а помянутая колокольня совмѣстницей назначена быть тремъ важнѣйшимъ башнямъ въ Россіи: Ивану Великому, Лаврской у Троицы и Печерской въ Кіевѣ. Здѣсь корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной, построенъ въ мое время также, какъ выходы винныя каменные и соляныя анбары деревянные. Въ Шуѣ нѣсколько подобныхъ памятниковъ моего правленія, и застава одна на подобіе Московскихъ.

Въ Шуйскомъ Уѣздѣ жена моя имѣетъ небольшую деревню, хорошо устроенную, въ которую я часто ѣзжалъ къ ней въ гости и влюблялся въ нее послѣ всякаго визита больше и больше. Нынѣ я одинъ ѣздилъ туда взглянуть на развалины и потужить о прошедшемъ: тутъ родилась, жила и веселилась Алена; тутъ для матери ея нѣкогда всѣ погоды были хороши; любовь ея къ Аленочкѣ украшала все около ея жилища. Съ кончины ея жена

моя уже не была въ своемъ Александровѣ. Я тутъ позавтракалъ, походилъ по саду, вздохнулъ и воротился домой.

На пути, ѣхавши мимо погоста, гдѣ похороненъ первой мужъ жены моей и любимая дочь ея, я остановился и вышелъ на гробъ ихъ. Сельской Священникъ отправилъ литію, вѣчная память раздала свои отголоски въ моемъ сердцѣ, слезы брызнули. И намъ со временемъ отдадутъ тотъ же долгъ наши потомки. Не далеко отъ нихъ погребенъ старой мой пріятель, недужной и слѣпой философъ, Тихомировъ. «Кто такой?» скажутъ, читая мою повѣсть. — Товарищъ и учитель Сперанскаго. Сколько ученикъ громокъ, столько наставникъ не звѣстенъ; онъ мнѣ былъ знакомъ. Сосѣдство жилищъ въ лѣтнее время насъ сблизило сердцами, онъ мнѣ правился, я его любилъ и поклонился съ умиленіемъ душевнымъ праху сего достойнаго пустышника:

Тебѣ ли нищету прилично было знать?
 За то, что ты умѣлъ вельможу воспитать,
 Которой самъ за то, что слишкомъ былъ уваженъ,
 Какъ сильный пстуканъ упалъ обезображенъ:
 Примѣру такову, природы сынъ, внемли,
 Убо есть Богъ судья намъ грѣшнымъ на земли.

Въ тотъ же день, т. е., 14, отобѣдавши, поѣхалъ я съ женою въ гости къ Княгинѣ Куракиной, въ село Чуприно, за 50 верстъ отъ города, дочь съ товарищами своими оставались въ Шуѣ. Перемѣня лошадей въ Кохмѣ, гдѣ мое имя долго будетъ памятно, по тому что въ мое время человекъ до трехъ лучшихъ обывателей сослано на каторгу за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, проѣхали, не останавливаясь, сквозь село Иваново—вотчина большая, богатая, наполненная фабрикъ, и денегъ, и разврата. Золото всегда сквернитъ нравы. Тутъ до 50 каменныхъ домовъ, во всякомъ изъ нихъ я былъ приглашенной гость, когда былъ Губернаторомъ, а послѣ Московской напасти, пріѣхавши сюда, едва нашелъ для себя панять простую избу, хотя всѣ дворцы Ивановскихъ крестьянъ были пусты. Въ вечеру мы сбились съ дороги и доѣхали къ Княгинѣ Куракиной довольно поздно, свѣчи уже были поданы; повозки наши отстали, и не прежде глухой полночи постели наши прибыли. Признаюсь, что я имъ очень обрадовался: что пріятнѣе въ дорогѣ, когда глаза просятъ сна, какъ собствен-

ной свой пуховикъ, со всѣми его принадлежностями? Здѣсь мы прогостили два дня, т. е., 15 и 16, и не солгу, когда скажу, что мы время не видали: насъ было только трое, хозяйка да я съ женою. Погода позволяла гулять, сидѣть въ саду, наслаждаться природою, а гдѣ, въ сотовариществѣ съ нею, искренняя любовь, чего тамъ еще желать человѣку, какъ бы ни были избалованы его чувства?

Чуприно.

Чуприно представляетъ самое строгое философическое уединеніе; мѣстоположеніе не значущее, селеніе маленькое, * садъ не великъ, но пригожъ, домъ не широкой, но помѣстительной, и не для одного человѣка: вотъ наружныя качества этого убѣжища. Княгиня Куракина, удалясь сюда отъ всего свѣта, хочетъ быть забыта всѣми, но достоинства ея привлекаютъ къ ней многихъ, и она рѣдко сидитъ вовсе одна въ своихъ покояхъ. Впрочемъ, для нея строгое уединеніе даже и зимою кажется не бѣдой. Ни что такъ не означаетъ твердыхъ душъ и мужественныхъ свойствъ нашего права, какъ склонность къ уединенію: она и одна умѣетъ быть всегда занята съ пріятностію и разумомъ; рѣдкія дарованія Княгини сдѣлали ее примѣромъ великодушія и Христіанской покорности судьбамъ. Она съ геройскимъ терпѣніемъ сноситъ недостатокъ, сиротство, одиночество, къ которымъ, однако же, ни что съ молодости ея не готовило и не предназначало. Забывши, что нѣкогда она была хороша, хотя и теперь еще можетъ быть мила всякому, кому захочетъ; забывъ, что все ею плѣнялось, хотя и теперь, увидѣвшись съ нею, ни кто разстаться не хочетъ; забывъ, что очарованіе сердець было исключительной ея наукой въ ея полѣ, хотя и теперь она на всякую душу сильно подѣйствовать можетъ; словомъ, все это забывая, Княгиня Куракина не хочетъ быть въ мірѣ ни знаема, ни примѣчена. Я ее люблю всѣмъ сердцемъ, какъ друга, чту какъ мать, и могъ бы умножить здѣсь не льстя красоты ея нрава, но я знаю ея скромность и не смѣю говорить больше:

* Лежатъ на проселочномъ пути изъ села Иванова въ Ростовъ при колодцахъ, въ 42 верстахъ отъ своего Узднаго города, Шун, съ 44 дворами или около 200 душъ населенія обоюга пола. О. Б.

Нѣжнѣйшій самый другъ, любезная жена,
 Которая на то, казалось, рождена,
 Чтобъ твердости примѣръ ума и сердца къ славѣ
 Предъ всѣми развернуть въ чувствительнѣйшемъ нравѣ.

Пробывши тутъ два дня пріятнѣйшимъ образомъ, мы 17 числа обратно пріѣхали въ Шую. Насъ ожидали къ обѣду, но мы его отправили въ коляскѣ, на походѣ. Отдохнули, ночевали, и еще разъ на завтра отобѣдали у Шульгиныхъ, а послѣ обѣда, простясь съ ними, пустились въ Нижній, по Балахнинской дорогѣ, и 18 числа, отѣхавъ 30 верстъ, держали ночлегъ въ большой деревнѣ, именуемой Зименки. Съ трудомъ нашли хорошую и чистую избу, но еще не доходило до того, чтобъ ложиться спать по картамъ.

М ы т ь.

Мытъ, село Князя Федора Николаевича Голицына, кромѣ богатаго въ немъ храма и пространства своего, ни какого не заслуживаетъ примѣчанія, но для меня останется навсегда мѣстомъ достопамятнымъ. Сюда мы отпустили 19 числа поварню изъ Зименокъ и собирались тутъ обѣдать. Ожидаетъ ли человѣкъ бѣды своей за минуту прежде. Подъ селомъ течетъ рѣка Лухъ; черезъ нея переправляются проѣзжія на паромѣ, по тому что она имѣетъ нѣсколько островковъ и заливовъ. Я отъ природы скоръ: наши экипажи готовились къ переправѣ и ждали плота; я хотѣлъ перейти по лавамъ, звалъ жену, она ступила и, найдя ихъ шаткими, воротилась на берегъ и уговаривала меня; но я быстрѣе молніи пошелъ съ дочерью и барышнями гусемъ, и благополучно достигли до сухой земли. Плывущія на паромѣ за повозками нашими кормицки и мытари кричали мнѣ, что тамъ далѣе еще надобно переходить лавы, и они ненадежны. Пришлось воротиться: я просилъ парома, отшель не позволили ко мнѣ причалить, и мы опять пошли по тѣмъ же лавамъ. Дочь, барышни, всѣ прошли; оставался на походѣ я, и по счастью за мною шла старшая Княгинина служанка, Молдаванка. Дурно ли мнѣ стало, потерялъ ли равновѣсіе, не знаю, но подвернулась подъ ноги мои доска, и меньше мгновенія я очутился въ рѣкѣ: упавши задомъ и во весь ростъ, я не досталъ дна; по какому-то

естественному въ челоуѣкѣ движенію, которое заставляеть его уватиться за что бы то ни было, когда онъ падаетъ, рука моя придержалась за тонкую жердину, на которой лава упиралась, и эта моя рука, оставшись одна на воздухѣ, служила указателемъ, что я еще могу быть спасенъ, а мнѣ препятствовала свѣситься совсѣмъ въ пучину и погнубуть. Молдаванка, не теряя разума, ухватила меня подъ обѣ мышки и освободила голову. Но больше помочь она мнѣ не могла. Малѣйшее излишнее ея усиліе или нагибъ корпуса, могъ ее стащить въ слѣдъ за мною и, вмѣсто одной, были бы двѣ жертвы, тѣмъ вѣрнѣе, что я и плавать не умѣю. Держа меня подъ мышки, она призывала съ берегу помощь и кричала во весь голосъ, но на берегу смятеніе было страшное. Наша дворня безъ ума и смысла металась изъ стороны въ сторону около жены и дочери, и ни кто не шелъ ко мнѣ на помощь. Между тѣмъ, потонувши во всей одежѣ, я становился такъ грузенъ, что быстрота воды тянула меня къ низу, и Молдаванка едва не выпустила меня изъ рукъ. Я уже далѣе ни чего не помню, кромѣ того, что, вскочивши послѣднимъ усиліемъ къ верху, умѣлъ присѣсть на лаву, и тутъ уже почувствовавъ, что Богъ меня спасаетъ, закричалъ женѣ: «Я живъ!» Прибѣжали люди, вытащили меня и привели на берегъ: я былъ бѣлъ, какъ снѣгъ. Испугъ, по мѣрѣ какъ я приходилъ въ себя, сталъ болѣе и болѣе на меня дѣйствовать. Вода съ меня текла ручьями: тотчасъ меня раздѣли, перемянули на мнѣ все до нитки, вымыли мнѣ ноги простымъ виномъ, и дали мнѣ стаканъ мадеры выпить. Кровь зачала отпралять свое дѣло, появились краски въ лицѣ, и чрезъ полчаса уже я всѣми моими чувствами наслаждался, какъ бы со всѣмъ ни чего со мною ни случилось. Жена моя труднѣе меня приходила въ себя, и хотя мы совершенно успокоились часа черезъ два, однако нѣсколько дней еще послѣ того, при малѣйшемъ о семъ воображеніи, я содрогался вдругъ и всѣ первы у меня приходили въ игру, у жены моеи также: дѣйствіе сильнаго испугу. Первыя волненія души имѣли предметомъ самаго меня. Какъ кто ни разсуждай, дерзнемъ ли мы сказать, вопреки натурѣ, чтобъ кто могъ быть себѣ себя милѣе? Но потомъ, помышля о семъ происшествіи, до нынѣ еще я не могу безъ ужаса вообразить положеніе жены и домашнихъ на берегу рѣки, на чужой сторонѣ, безъ врача, помощи и безъ утѣшенія. Умеръ бы